

84PG
K59

Киноказки

художник
Лидия
ШУЛЬГИНА

Сергей Козлов

ПОРОСЁНОК в колючей шубке

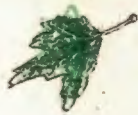
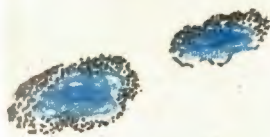
и ещё восемь
сказок-сценариев
мультипликационных
фильмов,

и среди них —
история о том,
как Лъвёнок
и Черепаха
пели
песню

Всесоюзное бюро
пропаганды киноискусства
Москва, 1987

Осенняя рыбалка

Когда пришла пора птицам улетать на юг и уже давно увяла трава и облетели деревья, Ежик сказал Медвежонку:

— Скоро зима. Пойдем поудим напоследок для тебя рыбки. Ты ведь любишь рыбку!

И они взяли удочки и пошли к реке.

На реке было так тихо, так спокойно, что все деревья склонились к ней печальными головами, а посередине медленно плыли облака. Облака были серые, лохматые, и Медвежонку стало страшно.

«А что, если мы поймаем облако? — подумал он. — Что мы тогда с ним будем делать?»

— Ежик! — сказал Медвежонок. — Что мы будем делать, если поймаем облако?

— Не поймаем, — сказал Ежик. — Облака на сухой горюх не ловятся! Вот если бы ловили на одуванчик...

— А на одуванчик можно поймать облако?

— Конечно! — сказал Ежик. — На одуванчик облака только и ловятся!

Стало смеркаться.

Они сидели на узеньком березовом мостке и смотрели в воду. Медвежонок смотрел на поплавок Ежика, а Ежик — на

поплавок Медвежонка. Было тихо-тихо, и поплавки неподвижно отражались в воде...

— Почему она не клюет? — спросил Медвежонок.

— Она слушает наши разговоры, — сказал Ежик. — Рыбы к осени очень любопытны!..

— Тогда давай молчать.

И они целый час сидели молча.

Вдруг поплавок Медвежонка заплывал и глубоко нырнул.

— Клюет! — крикнул Ежик.

— Ой! — воскликнул Медвежонок. — Тянет!

— Держи, держи! — сказал Ежик.

— Что-то очень тяжелое, — шепнул Медвежонок. — В прошлом году здесь утонуло старое облако. Может, это оно?..

— Держи, держи! — повторил Ежик.

Но тут удочка Медвежонка согнулась дугой, потом со свистом распрямилась — и высоко в небо взлетела огромная красная луна.

— Луна! — в один голос выдохнули Ежик с Медвежонком.

А луна покачнулась и тихо поплыла над рекой.

И тут пропал поплавок Ежика.

— Тяни! — шепнул Медвежонок.

Ежик взмахнул удочкой — и высоко в небо, выше луны, полетела маленькая звезда.

— Так... — прошептал Ежик, доставая две новых горошины. — Теперь только бы хватило наживки!..

И они, забыв о рыбе, целую ночь ловили звезды и забросали ими все небо.

А перед рассветом, когда грох кончился, Медвежонок свесился с мостка и вытащил из воды два оранжевых кленовых листа.

— Лучше нет, чем ловить на кленовый листик! — сказал он.

И стал было уже задремывать, как вдруг кто-то крепко схватился за крючок.

— Помогите!.. — шепнул Ежику Медвежонок.

И они, усталые, сонные, вдвоем еле-еле вытащили из воды солнышко.

Оно отряхнулось, прошлось по узенькому мостку и покатилося в поле.

Кругом было тихо, хорошо, и последние листья, как маленькие кораблики, медленно плыли по реке...

Как Львёнок и Черепаха пели песню

Жил-был в Африке Львенок.
Звали его Ррр-Мяу.

Вот вышел он однажды погулять по пустыне и встретил Большую Черепаху. Черепаха лежала на солнышке и мурлыкала себе под нос веселую песенку.

«Я на солнышке лежу,— пела Черепаха,— я на солнышко гляжу. Все лежу и лежу и на солнышко гляжу!..»

«Какая веселая песенка!» — подумал Львенок и подошел поближе.

А Черепаха мурлыкала себе под нос, не замечая Львенка, потому что глаза у нее были закрыты от удовольствия:

*Носорог идет,
Крокодил плывет,—*

Пела Черепаха,—

*Только я все лежу
И на солнышко гляжу!*

Львенок подкрался совсем близко, лег на песок рядом с Черепахой и приподнял одно ухо, чтобы лучше слышать.

*Рядом львенок лежит
И ушами шевелит.
Только я все лежу
И на львенка не гляжу! —*

спела Черепаха и открыла глаза.

— Здравствуй! — сказала

она.— Я — Большая Черепаха.
А ты кто?

— А я — Львенок Ррр-Мяу! — сказал Львенок. Сел на песок и запел:

*Я на солнышке сижу,
Я на солнышко гляжу.
Все сижу и сижу
И на солнышко гляжу!*

— Не сижу, а лежу! — сказала Черепаха.

— Это ты лежишь! — А я — сижу, — сказал Львенок. И они запели вместе:

*Носорог идет,
Крокодил плывет,—*

спели они хором.
А потом Львенок спел:

только я все сижу...

А Черепаха спела:

Только я все лежу!..

Они недовольно посмотрели друг на друга и вместе закончили:

И на солнышко гляжу!

— И все-таки надо петь: лежу! — сказала Черепаха. — Это же я придумала!

— А как же я буду петь лежу, если я сижу? — спросил Львенок.

— А ты ляг, и тогда все бу-

дет по правде. Ты будешь лежать и петь: «Только я все лежу!»

— А я не люблю лежать,— сказал Львенок.— Я люблю бегать. Ну, в крайнем случае — сидеть!

— Но ты же лежал, когда подкрался ко мне!

— Я лежал, только чтобы подслушать песню,— сказал Львенок.— Я лежу только в особенных случаях!

— Ну, а как ты спишь? Сидя, что ли? — спросила Черепаха.

— Нет, сплю я лежа. Но когда я сплю, я же не пою!

— А ты представь себе, что ты спишь и поешь!..

Львенок лег на песок и закрыл глаза.

— Давай начнем сначала! — сказал он.

И они запели:

*Я на солнышко лежу,
Я на солнышко гляжу.
Все лежу и лежу
И на солнышко гляжу!*

— И все-таки это не по правде,— не открывая глаз, сказал Львенок.— Ведь я сплю с закрытыми глазами и, значит, солнышко видеть не могу!

— А ты открой глаза,— сказала Черепаха.— И представь, как будто ты спишь с открытыми глазами и поешь.

Львенок открыл глаза, и они спели еще один куплет.

— Теперь ты пой одна,— сказал Львенок.— Ведь я не могу петь сам про себя...

И Черепаха спела:

*Рядом львенокочек лежит
И ушами шевелит.*

*Только я все лежу
И на львенка не гляжу.*

— Какая красивая песенка! — сказал Львенок. — А теперь покатай меня, а!

Он прыгнул Черепахе на спину, и она покатала его по пустыне.

— А ты придумаешь завтра новую песню? — спросил Ррр-Мяу, когда они расставались.

— Конечно! Приходи завтра! — сказала Черепаха.

И Львенок пошел домой, напевая:

*Носорог идет,
Крокодил плывет...*

И по дороге все время думал:
«Как это все-таки можно —
спать с открытыми глазами и
в то же время еще петь песни?..»

Ёжик в тумане

По вечерам Ёжик ходил к Медвежонку в гости. Они усаживались на бревнышке и, прихлебывая чай, смотрели на звездное небо. Оно висело над крышей — прямо за печной трубой. Справа от трубы были звезды Медвежонка, а слева — Ёжика...

Ёжик сначала шел по полю, потом вошел в лес, а когда вышел оттуда — за ним уже крался Филин. Но Ёжик и не подозревал об этом.

Он шел задрав мордочку к небу, заложив лапки с узелком за спину, и вдруг так остановился, что Филин чуть не налетел на него.

«Звезда!» — подумал Ёжик о звезде в небе. И поглядел на звезду так, как будто впервые ее увидел.

«И в луже...» — продолжал размышлять Ёжик.

И Филин вслед за ним подошел к луже, но ничего, кроме себя, Филина, не увидел и, рассердившись, шлепнул своей лохматой лапой по воде.

А Ёжик уже глядел в темный старый колодец: нет ли и там звезды?

— Угу! — сказал Ёжик.

— У-гуу!.. — загудел старый колодец.

Ёжик послушал, спрыгнул на землю и снова, словно бросил камушек, гукнул:

— У-гу!

А на покосившийся колодезный сруб уже взгромоздился Филин.

— Угу! — закричал он.

И тут заухали, прислушаваясь друг к другу, Филин и старый колодец.

А Ёжик со своим узелком уже шагал дальше, сам про себя как бы беседуя с Медвежонком.

— ...А он мне скажет... а он мне скажет: «Вот и самовар простыл. Надо бы веточек подбросить этих... ну, как их... можжевельных!» А я ему скажу... а я ему скажу... а я ему скажу...

И вдруг застыл: прямо перед ним из тумана выплыла белая Лошадь.

«А интересно, — подумал Ёжик, — если Лошадь ляжет спать, она захлебнется в тумане?»

И он стал медленно спускаться с горки, чтобы попасть в туман и посмотреть, как там, внутри.

«Вот. Ничего не видно. И даже лапы не видно».

— Лошадь! — позвал он.

Но Лошадь ничего не сказала.

И тут на Ежика, шурша и осыпаясь, обрушилась тишина. Это был всего лишь сухой лист, но Ежик так перепугался, что обеими лапами закрыл глаза.

А когда выглянул — из-под листа, таинственно покачивая своим домиком, медленно уплыла в туман Улитка...

Ежик осторожно приподнял сухой лист...

«А-ха, а-ха!» — вздымая боками и раздуваясь до неба, задышал Слон. Или это был не Слон? Потому что через секунду уже никого не было...

Ежик аккуратно положил лист на место и пяťясь, на цыпочках, ушел в туман...

...И сразу же из тумана выглянула большая добрая голова Лошади. Голова вкусно, по-лошадиному, пофыркивала и хрумтела травой.

«Фр-р-р!..» — вздохнула лошадиная голова, и сухой лист, как живой, взметнулся и отполз в сторону.

«Вз-з-з!» — зазвенело где-то вдали.

«Вз-з-з!» — зазвенело у Ежика над головой.

Это, криво свернув, метнулась и пропала летучая мышь.

Ежик даже не успел перепугаться, как зазвенели тихие колокольчики, и над ним, как тополиные листочки под ветром, засеребрилась легкая стайка ночных бабочек.

— Хе-хе-хе-хе-хе! — обрадовался Ежик и даже представил себя ночной бабочкой и немного поплясал в воздухе, как вдруг из тумана, как из форточки, снова выскочил Филин.

— Угу! У-гу-гу-гу-гу!.. — закричал он.

«Псих», — подумал Ежик, поднял сухую палку и, взяв ее

наперевес, двинулся сквозь туман. Палка, как слепая, блуждала в тумане, пока не уперлась во что-то твердое.

«Тук-тук-тук!» — постучал Ежик. Положил узелок и, перебирая по палке лапами, увидел перед собой дерево с огромным дуплом.

— А-га! — как бы пробуя го-

лос, осторожно выдохнул Ежик.
— А-а-а!..— загудело дерево.

Ежик попятился и вдруг вспомнил про узелок.

Он метнулся назад, вернулся, бросился вперед, крутнулся на месте. Узелка не было...

Ежик сорвал травинку, на которой сидел Светлячок и, высоко подняв ее над головой, как со свечой, наклоняясь и вглядываясь себе под ноги, побрел в тумане.

Деревья, как мачты, тонули во мгле.

Светлячок — маленький зеленый маяк,— еле-еле теплясь, покачивался в тумане, освещая дорогу.

Но и он упал в траву и погас. И вдруг:

— Е-еж-и-и-к!.. — будто с края земли донесся родной крик Медвежонка. Ежик побежал на голос, но тут все закружилось у него в голове: Слон, Улитка, Летучая мышь, бабочки, Лошадь, лист, Слон.

Ежик упал в траву и закрыл глаза.

И тут из тумана появилась Собака.

Она поставила перед Ежиком узелок, зевнула во всю свою собачью пасть и пропала в тумане.

— Е-еж-и-и-к! — снова донесся издали крик Медвежонка.

— О-го-го-го-го! — рванулся на крик Ежик, но — бултых! — упал в воду.

«Я — в реке», — сообразил Ежик и похолодел от страха.

«Пусть река сама несет меня», — немного погодя решил он. И его понесло вниз по течению.

Где-то в деревне тоненько играла балалайка...

«Я совсем промок. Я скоро утону», — думал Ежик.

Вдруг кто-то дотронулся до его задней лапы.

— Извините... — беззвучно спросил кто-то. — Кто вы и как сюда попали?

— Я — Ежик, — тоже беззвучно ответил Ежик. — Я упал в реку.

— Тогда садитесь ко мне на спину, — беззвучно проговорил кто-то. — Я отвезу вас на берег.

Ежик сел на чью-то узкую скользкую спину и через минуту оказался на берегу.

— Спасибо! — вслух сказал он.

— Не за что! — беззвучно выговорил кто-то, кого Ежик даже не видел, и пропал в волнах...

... Ежик с узелком сидел на бревнышке и смотрел прямо перед собой остановившимися глазами.

— Где же ты был? — плюхнувшись рядом, запыхавшись, спросил Медвежонок. — Я звал, звал, а ты — не откликался!..

Ежик ничего не сказал. Он только чуть скосил глаза в сторону Медвежонка...

— ...А я и самовар раздул, и веточек... этих... как их...

— Можжевеловых, — подсказал Ежик.

— ...Чтобы дымок пах! И креслице придвинул! Ведь кто

DEPARTMENT OF THE
ZOOLOGICAL
MUSEUM

же, кроме тебя, звезды-то считать будет?! Вот, думаю, сейчас придешь, сядем...

...Медвежонок говорил, говорил, а Ежик думал: «Все-таки хорошо, что мы снова вместе».

И еще Ежик думал о Лошади. Как она там, в тумане...

В порту

Мы пришли сегодня в порт.
Мы стоим, разинув рот.

Та вода, что у причалов,
И которая вдали,
И в которую сначала
С моря входят корабли,—
Эта территория
Зовется акватория.

Пошумев моторами,
Выпустив дымок,
Через акваторию
Мчится катерок.

Словно цапли-великаны,
По причалам ходят краны,
Носят в клювах финики
С острова Мартиники.

Танкер нефтеналивной
К пристани стоит спиной,
А к плавучим докам
Повернулся боком.

Мимо бочек и досок
С каблучка да на мысок
Обойдем мы все причалы,
Постоим, пойдем сначала.

Это кто на весь причал
Хриплым басом закричал?
Как же тут не зареветь?
Как же тут не загудеть?

Старый, бурый лесовоз
Полтайги сюда привез,
И посажен, как медведь,
Здесь на якорную цепь...

Мимо бочек и досок
С каблучка да на мысок
Обойдем мы все причалы,
Постоим, пойдем сначала.

Чайки носятся в порту...
С обезьянкой на борту,
Посетив другие страны,
Захватив бразильский груз,
Встал на рейде очень странный
Иностранный сухогруз:
Сухогруз алжирский —
Полупассажирский.

Мимо бочек и досок
С каблучка да на мысок
Ходит важный старичок,
Аккуратный морячок,
Трубку курит в кулачок.
Носогреечкой пытит,
За порядком следит.

Грузчики кричат: — Вирай!

Грузчики кричат: — Майнай!

— Вира! Вира!
Подымайте!
— Майна! Майна!
Опускайте!
Майна — вниз!
Вира — вверх!
Топот,
Грохот,
Шутки,
Смех.
Разгружают пароход —
Это прибыл Бегемот.

А к причалу номер два
Привезли живого льва.
Клетку тросом подцепили,
«Вира!» — крикнули,
И вот
Лев по воздуху плывет.
Льва живого погрузили
На турецкий пароход.

В трюме лев мигнул,
зевнул —
И отправился в Стамбул.
Лев силач,
Лев трюкач,
Лев —
Потомственный
Циркач!

А в порту грузовики
Возят ящики, тюки,
Возят уголь, лес, овес,
Даже старый паровоз —
Хоть у деда много дел —
Въехал в порт
И загудел:
— Я приехал под руду-у-у!!!
Кто с рудою на борту???

День и ночь
Грохочет порт.
Мы стоим, разинув рот.

Трям!

Здравствуйте!

Посреди ромашковой поляны стоял задумчивый Ежик, глядел перед собой серьезными глазами и думал:

«Сегодня у Зайца день рождения. Если я подарю ему морковку, он ее съест, и ничего не останется. Если капусту — тоже... А что, если я подарю ему...»

И тут на поляне появился Медвежонок.

— Тили-мили, тили-мили! — пел Медвежонок.

— Привет, Ежик! — сказал он и встал на голову.

— Привет! — сказал Ежик.

— Слушай! — закричал Медвежонок. — Я целую страну выдумал — волшебную, необыкновенную! Я ее всю ночь выдумывал, еле-еле выговорил! Тили-мили-трямдия!

— Как?..

— Трямдия! Там все ходят на головах.

— А я ромашки собираю, — сказал Ежик. — Раз — ромашка, два — ромашка!..

— Три — ромашка! — сорвал третью ромашку Медвежонок и запел:

*Пять — ромашка,
Шесть — ромашка...*

— Семь — ромашка, — подхватил Ежик. — Придумал! — закричал он. — Надо подарить Зайцу ромашки!

— Погоди! — сказал Медвежонок. — Четвертую надо сорвать. И потом «семь — ромашка» не пой. Пой: «Семь»! Понял?

— Нет, — сказал Ежик.

— Ну, ты поешь: «Семь — ромашка!»

— Пою, — сказал Ежик.

— А у нас в Тили-мили-трямдии поют:

*Пять — ромашка,
Шесть — ромашка,
Семь!..*

— А зачем? — спросил Ежик.

— Фу-ты! — рассердился Медвежонок. — Ну, чтобы песня была! Повтори.

— Фу-ты! Ну, чтобы песня была! Повтори, — сказал Ежик. — И, знаешь, давай эту песню подарим Зайцу...

— Да погоди ты со своим Зайцем! — буркнул Медвежонок, сорвал одуванчик и... и тут же оторвался от земли. И поплыл на одуванчике, как на воздушном шаре.

Ежик растерянно поглядел на него, но Медвежонок протянул ему лапу, и Ежик стал

подниматься в небо вместе с Медвежонок.

Они поднимались все выше, выше...

Прямо над ними плыло легкое облако.

— Слушай, давай поедem в Тили-мили-трямдию! — предложил Медвежонок. — Говорить по-ихнему мы умеем. Смотри, какое хорошее слово: «Трям!»

— Трям? Очень хорошее слово, — сказал Ежик. — А что оно означает?

— Трям — по-тилимили-трямски значит — «здравствуйте!»

— Трям! Здравствуйте! — сказал Ежик. — А кто пойдет на день рождения к Зайцу?

— Мы пойдем. Вернемся из Тили-мили-трямдии и — сразу к нему!

Медвежонок первым забрался на облако; Ежик забрался следом, сладко зевнул и лег в ромашках.

— Надо Зайца взять с собой, — сказал Ежик, — он никогда не был в этой Тили-мили...

— Тили-мили-трямдии! — подсказал Медвежонок.

— Ага. Приедем...

— Трям! Здравствуйте!

— Отдадим ромашки...

— Нас встретят!

— Покормят!

— Спать положат, — сказал Медвежонок. — А утром проснемся и — назад.

— С Зайцем! — сказал Ежик. — Ему будет очень приятно...

Легкое облачко с Ежиком и Медвежонок, тихо покачиваясь, плыло по небу.

— Что ты ко мне со своим Зайцем привязался? — рассвирепел Медвежонок. — Он лягушек боится!

— Кто? Заяц? Заяц никого не боится! Без Зайца — не поеду!

— Тили-мили-трямдию я выдумал! И... и... — Медвежонок не находил от возмущения слов. — Ты с кем дружишь — со мной или с Зайцем?

— С тобой, — сказал Ежик. — И с Зайцем.

— А я дружу с тобой, понял?

— А со мной без Зайца дружить нельзя. Понял?

И тут с земли до них долетел голос Зайца:

— Ежик! Медвежонок! — кричал Заяц. — Я вас целый день ищу!

— Он меня целый день ищет! — буркнул Медвежонок, взял свой одуванчик и встал на край облака. — Я пошел.

— А... А как же Тили-мили... дия?

— Без меня. С Зайцем! — рывкнул Медвежонок.

И на одуванчике, как на парашюте, поплыл к земле.

Но тут дунул ветер. Одуванчик Медвежонка вмиг облетел, и Медвежонок кубарем полетел вниз.

— Ой-ой-ой-ой-ой! — закричал Медвежонок.

А навстречу на трех одуван-

чиках поднимался к облаку Заяц.

— Ох! Кто-то падает! — прошептал Заяц.

Ежик закрыл лапками глаза, а Медвежонок падал, падал, падал и, казалось, теперь уже ничто не может спасти Медвежонка.

Но тут Заяц, который подымался ему навстречу на трех одуванчиках, в последний момент подхватил Медвежонка и взлетел вместе с ним на облако к Ежику.

— Ура! Спасены! — заплясали все вместе на облаке и захохотали.

— Заяц! Поздравляю тебя с днем рождения! — сказал Ежик и протянул Зайцу букет ромашек. — Ты их, заяц, засуши, и зимой у тебя каждый день будет новое солнышко на тоненькой ножке!

— А я... А я... — сказал Медвежонок, — дарю тебе Тили-мили-трямдию! Это такая страна. Я ее выдумал!

— Там все говорят друг другу: «Трям! Здравствуйте!» — сказал Ежик.

— И ходят на головах! — сказал Медвежонок.

— А зимой, когда долго не будет солнышка, вы все приходите ко мне в гости! — сказал Заяц. — У меня всегда будет свое солнышко на тоненькой ножке.

— Ура! Ура! — снова закричали все и поплыли на облаке в Тили-мили-трямдию — выдуманную страну. Они летели над лугами, лесами на легком облаке и, обнявшись, пели свою любимую песню:

*Мимо белого яблока луны,
Мимо красного яблока заката
Облака из неведомой страны
К нам спешат и опять бегут
куда-то.*

Облака — белогривые лошади,

*Облака, что вы мчитесь без
оглядки?*

*Не глядите вы, пожалуйста,
свыска,*

А по небу прокатите нас, облака.

*Мы помчимся в заоблачную
даль*

*Мимо гаснущих звезд на небо-
склоне,*

*К нам неслышно опустится
звезда*

*И ромашкой останется в ладо-
ни.*

Поросёнок в колючей шубке

Зимой Ежик жил один в своей маленькой избушке посреди леса. Его друг Медвежонок — спал, Ослик — убежал на юг. Все у Ежика было хорошо: он почти не скучал, потому что сам вел хозяйство и был очень занят.

По утрам Ежик делал зарядку.

— Раз-два! — говорил он, вскидывая поочередно нижние лапы в огромных валенках.

Потом пилил дрова огромной черной пилой. Пила, как крокодил, ползала по брюхо в бревне, и золотым песком сыпались опилки.

Затем начиналось самое интересное: посверкивая маленьким топориком на длинной ручке, Ежик рубил дрова: чурбачки кричали и разлетались во все стороны.

А одно непослушное полешко, как птица, взлетело на крышу.

— А ну, слезай! — крикнул Ежик, приставил лестницу и полез за ним.

Потом он, как маленькая лошадка, возил в сарай дрова.

*Колокольчик мой валдайский,
Что так жалобно звенишь? —*

тянул Ежик, утопая в снегу.
«А у меня и воды нет», —

отдышавшись, подумал Ежик. Поставил на санки большое деревянное ведро и помчался за водой.

*Колокольчик мой старинный
Друг-приятель из Валдая! —*

вопил Ежик. Сияло солнце, сверкал лес, и Ежик бежал по чистому нетронутому снегу и пел...

И только когда начало смеркаться, Ежику стало грустно. Он раздул самовар, сел, освещенный пламенем из печки, у самовара и стал вспоминать о своих друзьях — Ослике и Медвежонке.

Потом с дымящейся кружкой чая влез на подоконник и принялся дышать и тереть лапой замерзшее стекло...

Над поляной кружились и то улетали куда-то вверх, то опускались к самой земле снежинки...

Ежик так прижался к стеклу, что нос у него расплющился и стал похож на поросятчий пятячок.

— Поросенок! Смотрите, Поросенок в колючей шубке! — крикнула Снежинка своим подругам. — Поросенок! Выходи с нами гулять!

«Кого это она зовет?» — подумал Ежик и вдавился в стекло

еще сильнее, чтобы посмотреть, нет ли на завалинке Поросенка.

«Наверно, там, под окошком,— думал Ежик,— сидит Поросенок в колючей шубке и не хочет играть. Как бы он не замерз. Надо пригласить его в дом и напоить чаем».

И Ежик выбежал на крыльцо.

— Поросенок! — крикнул он.— Идите пить чай!

— Хи-хи! — засмеялась Снежинка.— Поросенок только что убежал. Поиграй ты с нами!

— Не могу. Холодно! — сказал Ежик и ушел в дом.

Но только он влез на подоконник и прижался носом к стеклу, как услышал:

«Поросенок! Ты вернулся? Выходи! Будем играть вместе!»

«Он вернулся»,— подумал Ежик. Снова надел валенки, взял фонарь и выбежал на крыльцо.

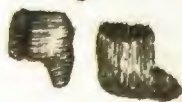
— Поросенок! — закричал он.— Поросено-о-о-к!..

Выл ветер, и весело кружились снежинки...

Так до самого вечера Ежик то бегал на крыльцо и звал Поросенка, то, возвратившись в дом, залезал на подоконник и прижимался носом к стеклу.

Снежинке было все равно, с кем играть, и она звала то Поросенка в колючей шубке, когда Ежик сидел на подоконнике, то самого Ежика, когда он выбегал на крыльцо.

А Ежик, и засыпая, боялся, как бы не замерз в такую морозную ночь Поросенок в колючей шубке.

Зимняя сказка

Ах, как блестит лес!

Какой он белоснежный, нежный, даже розовый от поднимающегося солнца!

Замер, и такой красоты, что не отвести глаз — все смотреть и смотреть бы, дышать и дышать этим лесом, этим морозом, этим снегом, солнцем, елочками, пока не закружится голова, пока не упадешь, не перекувырнешься через голову и не замрешь, уставившись глазами в сплошное синее небо...

Мелькает по сторонам лес. Все мелькает — елочки, березки, пни, нахлобучившие на лоб меховые шапки, и мелькание это, лес этот дышит чьим-то живым, жарким, быстрым дыханием, топчет чьими-то лапами, хрустит снегом. А вот перекувырнулся через голову. Еще, еще раз! Ах, какой лес, ай да умница! Как хорошо кувыркается! Еще, еще раз... А теперь — понеслись с горы. Свистит ветер. Это кто же мчится-то? Никого не видеть. Только лес летит сбоку, рядом, везде. Кто же это? Он жарко дышит, булькает и сопит, сопит, конечно же, шмыгает носом и — летит, и —

переворачивается (не он — весь лес с ним), и — наконец — шлепается на спину и лижет языком низкое, близкое небо. Да-да — небо! Оно — как мороженое. Его хочется полизать и съесть.

Кто же это?

Это Медвежонок.

Вот он лежит в снегу посреди поляны — один нос торчит. Над ним — облако пара.

Прилетел Снегирь, сел возле Медвежачьего носа, выпятил грудку.

Медвежонок скосил глаза.

— Зимняя земляника, — спросил Медвежонок, — где твой листик?

Встал Снегирь на одну ножку, поднял крылышко: вот, мол, мой листик. Радостно зачавикал и — улетел, но тут же вернулся:

— Ты зачем лег в снег? Простудишься!

— М-м, — нос покачался из стороны в сторону.

А солнце сияло, снег искрился, потрескивал мороз...

— Я бы все это... съел, — нос облизнулся и задумчиво уставился в небо.

— Что... съел? — не понял Снегирь.

— А все! — из снега появилась пушистая медвежья лапа и повела вокруг.

— И меня?

— Ты тоже красивый.

— Зачем? — удивился Снегирь.

— А куда ж это... все... — нос мечтательно уставился в небо. — Вот закрою глаза — нету, открою — есть, а так — съем, и поспать можно будет: я — сплю, а все — в животе.

— И солнце съешь?..

— Угу.

— И снег?

— А что? — мохнатая лапа похлопала по мохнатому животу.

Медвежонок вскочил так, что Снегирь еле успел отлететь в сторону, и помчался по поляне. Ах, как он бежал! И на двух — нижних, и на двух — передних, и — задом наперед, и, наконец, полетел! Такой себе искрящийся от снега и солнца шмель. Но — упал. Нырнул в снег, вынырнув, выплюнул, как китенок, целый фонтан снега и сел — птицей — на березу; белкой пробежал по веточке, встал на цыпочки, до солнышка не дотянулся, упал в снег.

... Теперь Медвежонок плыл. Нырлял и отфыркивался, пропадавая в сугробах, как настоящий дельфин. Надоело! Выскочил и, как по суху, не проваливаясь, побежал к сосне. Потряс ее. Встал под душ сверкающего, сыпящегося сверху снега, ловя разинутой пастью снежинки...

— Не устал? — спросил Снегирь.

— Не мешай! — рывкнул Медвежонок и так стукнул лапой по сосне, что Снегирь улетел.

А Медвежонок ел снег и похрумкивал.

— Все, все съем! — рычал Медвежонок.

Ежик вошел в дом, поставил серебряные ведрышки с водой на лавку, сбежал с крыльца, принялся колоть дрова.

«Бум-крык, бум-крык!» — разлетались птицами из-под ног березовые полешки.

А Ежик рубил и про себя думал: «Нарублю дровишек, поставлю чайку, придет Медвежонок... Нарублю дровишек, поставлю чайку, придет Медвежонок...» — и так саданул по последнему суковатому чурбану, что он крякнул, разломившись, и уставился на Ежика лупоглазой Совой.

— Ты что? — спросила Сова.

— А ничего, — сказал Ежик и бумкнул Сове между глаз топориком. — Будешь знать, как гоняться за мной ночью!

Сова рассыпалась по снегу сверкающими щепками; Ежик собрал дровишки и ушел в дом.

Медвежонок еле живой сидел с высунутым языком на тонком еловом пеньке и устало считал и слизывал падавшие на нос снежинки.

Снежинки падали легкие, пушистые и, прежде чем опустить-

ся совсем, привставали на цыпочки. Ах, как это было весело!

— Здравствуй, Медвежонок! — сказала Снежинка и присела на тоненьких ножках. — Как поживаешь?

Медвежонку было неудобно говорить с высунутым языком, и поэтому он сказал так:

«Бем бег», — что означало, конечно же, «ем снег», но Снежинка не догадалась. Вот глупая!

— Что-что? — спросила Снежинка.

Медвежонок строго посмотрел на нее, чтобы она поняла сама, но Снежинка улыбалась — не понимала.

— Бем бег! — повторил Медвежонок.

— И ты меня сейчас съешь?

— Угу, — сказал Медвежонок.

— погоди, — сказала Снежинка. — Дай хоть...

Медвежонок свел глаза к переносице и стал глядеть, как Снежинка любителю окрестностями с его носа. Потом прикрыл глаза, чтобы Снежинка могла полюбоваться наедине.

— М-м? — наконец спросил Медвежонок, что означало: «Ну, как?»

— Очень красиво! — сказала Снежинка. — Не ешь меня еще немного, мне не хочется... — тут Снежинка запнулась и, наверное, даже расплакалась бы, если б снежинки умели плакать, но смело тряхнула головкой и сказала — т а я т ь.

Медвежонок открыл глаза и посмотрел на Снежинку, ко-

торая грациозно стояла на кончике его носа.

Он высунул язык побольше, чтоб слизнуть Снежинку, но — раздумал...

Так они замерли, глядя друг на друга — Медвежонок и Снежинка, пока она вдруг не опустилась на колени, а потом не исчезла совсем: видно, сама растаяла от медвежачьего жара, а, может, всего этого и не было, потому что теперь уже сыпал настоящий густой снег, и Медвежонок, засыпанный этим снегом, сидел на своем еловом пеньке белым медведем с черной пуговкой носа, которую без конца облизывал.

— Шестьсот девяносто семь, шестьсот девяносто восемь, шестьсот девяносто девять... — шептал Медвежонок.

А в доме у Ежика потрескивал в печке огонь; Ежик, не моргая, глядел на пламя и помешивал дровишки кочергой.

Стукнула форточка, влетел Снегирь.

— Твой друг Медвежонок, — крикнул Снегирь, — объелся снегом! — и был таков.

— Постой! — крикнул Ежик. Снегирь вернулся.

— Зачем он его... ел?

— Съел, — выпалил Снегирь. — И солнце хотел съесть. Чтоб все в животе было! Я, говорит, буду спать, а у меня все — в животе: и солнце, и лес, и снег! Понял? — И улетел.

А Ежик достал мешок и стал собираться: ложка, чашка, ело-

вая веточка, сушеные грибы...
Ежик пошел к двери.

«Хруп-хруп, хруп-хруп!» —
хрустит снег.

Замерзший, съезжившийся,
бежит домой Медвежонок.

«Хруп-хруп!» — видно, как
ему холодно.

«Скри-и-п!.. — распахнул
дверь своего домика. —
Хлоп!» — хлопнула дверь и —
сразу под одеяло, нос вверх.

«Хруп-хруп, хруп-хруп, хруп-
хруп!» — захрумтел снег под

чьими-то легкими шагами.

«Кто-то идет...» — успел по-
думать Медвежонок, но тут на
него налетело, сшибло, закру-
жило, и замелькали, замелька-
ли, замелькали в танце — спе-
реди, сзади, сбоку, вокруг не-
го — тысячи снежинок.

Заиграла музыка, и глаза
Медвежонка, уставленные в по-
толок, закружились волчком, и
вокруг был уже не рубленый
из серых бревен медвежий до-
мик, а золотой дворец и... Был
бал! Снежинки танцевали с

медведями, и каждая была точь-в-точь похожа на Снежинку, которая растаяла на медвежачьем носу. Мало того — медведи так плясали, так грохали лапами, как будто лапы у них были чугунные (это стучал в дверь к Медвежонку Ежик), и тысячи свечей вздрагивали и вновь вспыхивали от этого медвежьего пляса.

— ... А вот и я! — выдохнул Ежик, выбив, наконец, спиной дверь...

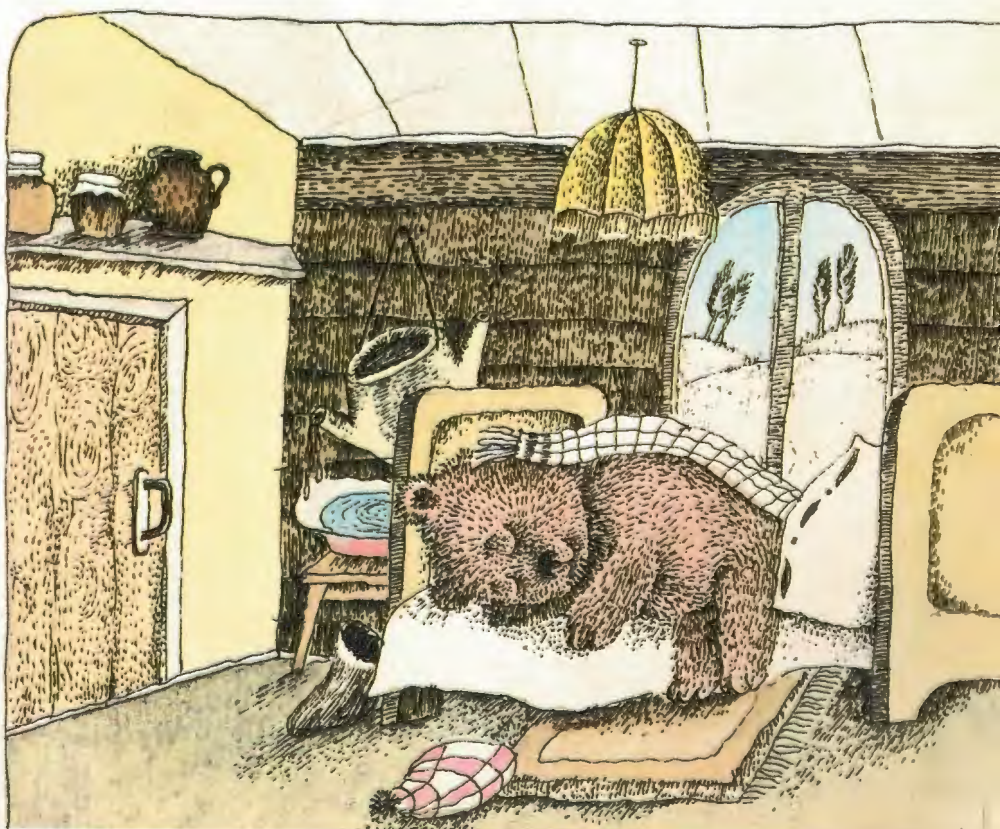
Снежинки же кружились,

кружились, кружились — в легких пачках, как балерины, и были они такие стройные, такие грациозные, воздушные, что Медвежонок сам стал легким, как пух, и закружился над залом.

— Я — Снежинка! — закричал Медвежонок.

— ...Что ты? Что ты? — Ежик положил ему мокрую тряпочку на лоб и поправил одеяло...

Медвежонок был не один. Вместе с ним кружились триста Медведей. Они порхали под му-

зыку, опускаясь, вновь подымаясь кверху, ну, точь-в-точь, как снежинки; и тут-то Медвежонок опустился на нос какому-то тяжело топающему Медвежонку и сказал:

— Здравствуй, Медвежонок!

— ...Это я, Ежик! Ежик я! — сказал Ежик. — Ты меня не узнаешь? — и поменял тряпочку.

— Очень приятно! — сказал Медвежонок, который оказался вдруг знакомой снежинкой. — Вы — триста двадцатая! — и... Медвежонок полетел в какой-то бездонный колодец...

«Тук-тук!»

— Ну, что? — спросил Снегирь, когда Ежик открыл форточку.

— Бредит, — сказал Ежик.

— Отвар из еловых шишек давал?

— Давал.

— Сушеную травку к животу прикладывал?

— Прикладывал.

— А я вот тебе рябинки принес. Сладкая! — сказал Снегирь и улетел.

А Медвежонок падал, падал, падал и вдруг сел на розовый куст рядом с пчелой.

— Ты кто? — спросила Пчела.

— Я — Снежинка.

...— Снежинка, снежинка, — закивал Ежик и переменял на лбу Медвежонка тряпочку.

— А почему ты не таешь? — удивилась Пчела.

— Потому что мне холодно, — сказал Медвежонок.

...— Сичас, сичас, — Ежик приволок бараний тулуп...

— Летом? — еще больше удивилась Пчела.

— Я — Снежинка, — сказал Медвежонок.

...— Ничего, ничего, обойдется! — сутился Ежик...

— Как же ты сюда прилетел? — спросила Пчела.

— Не знаю... А почему ты его не съешь? — и Медвежонок показал лапой на нераспустившийся бутон розы.

— Цветок?

— Конечно! Съешь, и он всегда будет у тебя в животе.

— Зачем?!

Но тут Медвежонок зажужжал, зажужжал...

...— Не жужжи! Пожалуйста! — успокаивал и гладил лапой Медвежонка Ежик. — Я вот тебе корешков истолок. Выпей!...

... и полетел, как пчела, над цветущим лугом.

У края тропинки, под дорожником, сидел крохотный Лягушонок. Медвежонок опустился на цветок клевера, покачался туда-сюда, как на качелях, и сказал:

— А я — Снежинка! Хочешь, я тебя съем?

— Зачем? — удивился Лягушонок.

— Ты — красивый, и всегда будешь со мной.

— Нет! Давай дружить! — квакнул Лягушонок. — И не надо никого есть: мы и так будем вместе.

— Не-е-ет, — сказал Медвежонок, — съесть лучше. Тогда ты будешь здесь, в животе, всегда, понял?

Лягушонок заплакал.

— Я — Снежинка! — закричал Медвежонок и полетел.

... — Снежинка, снежинка... — гладил Медвежонок Ежик.

— Да брось ты его! — пискнул, появившись, Снегирь. — Он чуть солнце не съел, а ты — возишься!

Ежик только посмотрел на птицу, и Снегирь улетел.

А за окном бушевали метели, стоял лес, и гнулись деревья...

— Сидишь? — в распахнутой форточке, за которой был виден уже золотой мартовский лес, сидел Снегирь.

— Сижу, — сказал Ежик.

— Уж скоро зима кончится. Не надоело?

— Не надоело, — сказал Ежик.

— Ну, сиди, — Снегирь полыхнул грудкой, но через секунду вернулся. — Айда, покувыркаемся в снегу!

— Нет, — Ежик помотал головой.

— Ну, ты пойдешь, я посижу!

— Не могу, — сказал Ежик...

— Эх-х... исхудал ты очень. Вот я тут орешков принес. Поешь!

И еще сыпал снег, и вставало солнце, и опускалась ночь, и тогда светилось в лесу окошко медвежачьего домика... И снова золотилось на сугробах солнце, и хмурилось небо, и петляли по лесу зайцы и белки, и подбегали к окошку медвежьей избушки:

«Тук-тук! Вот тебе, Ежик, водички!»

«Тук-тук! Ну, как? Лучше?»

«Тук-тук! Не надо ли чего?»

Ежик принимал еду, дрова и питье, кланялся-благодарил и только качал головой и вздыхал.

... А Медвежонок плыл по небу, как облако, и медленно так, прохладно шевелил хвостиком.

«Как хорошо быть облаком... — шептал Медвежонок. — Как хорошо и прохладно лететь!»

Внизу был родной лес, его поляна. По поляне бежал навстречу ему Ежик и махал лапой.

— Ежик! — крикнул Медвежонок и открыл глаза.

— Я здесь! — Ежик сидел на табуретке возле постели Медвежонок, а за окном тенькала капель, звенели птицы, — окошко было распахнуто.

— Что ты здесь делаешь? — еле слышно спросил Медвежонок.

— Жду, когда ты выздоровеешь! — так же шепотом ответил Ежик.

— Долго?

— Всю зиму. Я как узнал, что ты объелся снегом, — сразу перетащил все свои припасы к тебе.

— И всю зиму ты сидел возле меня на табуретке?..

— Да, — сказал Ежик. — Я поил тебя еловым отваром и прикладывал к животу сушеную травку...

— Не помню,— сказал Мед-
вежонок.

— Еще бы! — вздохнул,
улыбаясь, Ежик.— Ты всю зиму
говорил, что ты — снежинка. Я
так боялся, что ты растаешь к
весне...

Осенние корабли

Летели листья, гудел ветер,
была в лесу осень...

Ежик вышел из своего до-
мика с коромыслом через плечо
и пошел к роднику.

Вода в роднике была синяя,
холодная и блестела, как зер-
кало.

Ежик сел на берегу и погля-
дел в воду.

Из воды на Ежика глянул
грустный Ежик и сказал:

— Ежик, Ежик, ты зачем
пришел?

— За водой,— сказал Ежик,
который сидел на берегу.

— А зачем тебе вода?

— Море сделаю.

— А зачем тебе море?

— Будет у меня дома свое
море: проснусь, а оно шумит,
засыпать буду, а оно — ше-
велится!

— А где твои корабли?

— Какие корабли?

— Как же? По морю обяза-
тельно должны плавать кораб-
ли.

«Верно,— подумал Ежик, ко-
торый сидел на берегу.— Про
корабли я и забыл».

Он встал, набрал воды, наце-
пил ведра на коромысла и по-
шел домой.

Осенний лист шумел по-осен-

нему, елки стояли хмурые, с
деревьев сыпались листья.

— Белка! — крикнул Ежик,
увидев Белку.— Где мне взять
корабли?

— Какие корабли? — спро-
сила Белка.

— Понимаешь, скоро зима,
а я все один и один — скучно
мне!

— Всем скучно,— сказала
Белка.— На то и зима. Чем ты
лучше других?

— Я...

— Возьми нитку,— переби-
ла его Белка,— и иголку. Как
проснешься, вдевай нитку в
иголку и выдергивай — так и
день пройдет.

— Нет,— сказал Ежик,— у
меня море будет! Проснусь, а
оно — шумит, повернусь с боку
на бок, а оно — шевелится!

— Значит, у тебя — море, а
у всех — вдевай нитку в иголку
и выдергивай? Сам ищи свои
корабли! — и убежала.

А Ежик, печальный такой,
пошел к дому.

Из-за елки вылез Медвежо-
нок.

— Здорово, Ежик! — крик-
нул он.— Ты куда идешь?

— погоди,— сказал Ежик.
Вошел в дом, вылил воду в ушат

и вышел в осенний лес.

— Где мне взять корабли, Медвежонок? — спросил он.

— Корабли? — изумился Медвежонок.

— Да.

— Где же их взять? — Медвежонок оглянулся. — В лесу то?..

— Мне нужны корабли, — вздохнул Ежик и пошел.

— А зачем они тебе? — крикнул Медвежонок и пошел рядом с Ежиком.

— Понимаешь, — Ежик посмотрел на Медвежонка, — скучно!

— А ты спать ложись, — сказал Медвежонок. — Вот я, например, сейчас лягу, весной — проснусь.

Они подошли к медвежачьему домику.

— Не-ет, — сказал Ежик. — Мне корабли нужны!

— Тогда я пошел, — Медвежонок повесил на дверь своего дома огромный замок, сам влез на крышу и сел на трубу.

— А какие они, корабли? — крикнул он сверху.

Но Ежик не успел ответить, как Медвежонок исчез в трубе.

Ежик обошел вокруг дома, подошел к окошку, но... крыша медвежачьего домика вдруг стала подниматься и опускаться, подниматься и опускаться. «У-у...» — загудел медвежачий домик трубой и, не то похрюкивая, не то всхрапывая, переваливаясь уткой, пошел по полю.

— Куда ты?! — крикнул Ежик.

Но медвежачий домик скрылся за деревьями.

— Куда же это он... поехал? — пробормотал Ежик...

По лесу с драным сапогом в лапе брел старый Волк.

— Что это у тебя в лапе, Волк? — спросил Ежик.

— Сапог, — сказал Волк и остановился.

— А — зачем?

— Самовар раздую, шишечек сверху покрошу, чайку сварю и-и... — Волк сладко прижмурился. — Хочешь со мной чайку попить?

— Не могу: мне корабли нужны...

— Какие корабли?

— Морские, — сказал Ежик. — Понимаешь, скоро зима, а у меня будет море, а по морю обязательно должны плыть корабли.

— Корабли... — мечтательно проговорил Волк. — Держи! — протянул Ежику сапог. Наклонился и из щепки и кленового листа сделал кораблик.

— Ох! — охнул Ежик. — Настоящий! Но мне... еще нужно.

— Ага, — сказал Волк. И сделал еще два кораблика.

— Спасибо тебе, Волченька! — сказал Ежик. — Если тебе будет скучно, приходи ко мне. Сядем, будем с тобой смотреть на море, на корабли... Придешь?

— Приду, — пообещал Волк. Взял сапог и заковылял дальше.

А Ежик нашел старый лопух, поставил на него три кораблика

и, как на подносе, понес к себе в дом.

Подул легкий ветер, паруса корабликов надулись, и сперва Ежик побежал за лопухом, а потом, и опомниться не успел, как — полетел.

— А-а-а! — закричал Ежик.

Такую картину даже представить себе трудно, но так все и было на самом деле: Ежик держал перед собой лопух, по лопуху, как по зеленым волнам, мчались кораблики, а вслед за этим зеленым морем летел по воздуху Ежик.

Он даже не испугался. Это он так, для порядка, закричал: «А-а!», потому что ему еще не приходилось летать над лесом, но потом он освоился и запел.

«Ля-ля! Ля-ля!» — пел Ежик.

И тут в небе появилась страшная Ворона. Ух, как она каркала! Ух, какие у нее были отвратительные когтистые гнутые лапы и зловещий клюв!

— Кар-р-р! — кричала Ворона. — Позор-р! Еж в небе!

Тут переполошился весь лес.

А Ворона все летела и кричала: «Позор-р-р! Кто позволил?»

И все увидели летящего Ежика и тоже замахали лапами и вслед за Вороной закричали: «ДОЛОЙ! ПОЗОР! КТО ПОЗВОЛИЛ?»

И только Волк остановился, поставил сапог в траву и покачал головой.

А Ежик летел по небу, уцепившись за зеленое море, по которому неслись корабли. Он

小松鼠的生日

вжал голову в плечи, но моря не выпустил, и правильно сделал, потому что ветер стих и, когда Ворона было уж совсем догнала их, Ежик со своими корабликами опустил прямо на пороге своего дома.

Как только он очутился на земле, Ворона отпрянула, крикнула: «Кар-р-р!» — и улетела, каркая, в пустое небо.

А Ежик поднял корабли и вошел в дом.

То, что он увидел, так его

обрадовало, что он сразу позабыл пережитый страх: возле ушата с водой, покачиваясь на солнышке и подставляя легкие головы морскому ветерку, росли две высокие пальмы, и на самой макушке той, что была поближе к прибою, сидел совсем крошечный, но абсолютно живой Попугай.

— Здор-р-р-рово! — крикнул Попугай. — Пускай корабли! — и сел к Ежику на плечо.

И Ежик с Попугаем на плече стал пускать кораблики в воду.

Теперь это было настоящее море!

Шуршали пальмы, по краям ушата золотился песок, и высоко под потолком бежали легкие облака.

За окошком стемнело, и давно уже пора было ложиться спать, а Ежик все сидел над своим морем под пальмами и не мог оторвать глаз от золотых кораблей.

Наконец он встал, разобрал постель, лег, вздохнул и сразу же услышал, как вздохнуло море и над ним зажглись звездочки, и от ночного ветерка зашелестели пальмы.

Ежик смотрел на одинокую звезду за окном, слушал, как шуршит в ушате прибой, и думал, что он уже не один, что теперь, в эту холодную вьюжную зиму, с ним всегда будет большое теплое море.

Как Ёжик с Медвежонок меняли небо

Жили-были в лесу Ёжик с Медвежонок. Жили они хорошо, дружно, но время от времени происходили с ними необыкновенные приключения. Вот и сегодня...

Через лес, через поле, в горку, с горки, по бревнышку катился Медвежонок и кричал, кричал, кричал:

— Е-жи-и-к! Ежи-и-и-к! Что я нашел! Что нашел! Что нашел!..

— Что? — спросил Ёжик, неожиданно появляясь из одуванчиков прямо под ногами Медвежонка.

— Калы-балы-талы-балы! — запыхавшись, забубнил Медвежонок в самое ухо Ёжику и — отпрянул:

— Понял?

— Не-а, — сказал Ёжик.

— Калы-малы-талы-балы! — и снова распрямился. — Ну, понял?

— Нет, — затряс головой Ёжик.

— Эх, ты! — и опять забубнил, забубнил что-то прямо Ёжику в ухо. — Ну?

— А где? — спросил Ёжик.

— Бежим!

Медвежонок схватил Ёжика за лапу, и они обратным путем — по бревнышку, в горку, с горки, через поле — помчались, полетели и вбежали в лес.

— Вот! — раздвинув кусты, сказал Медвежонок.

Перед ним на опушке леса, наполовину укрытый зеленью, стоял покосившийся сарай, отдаленно смахивающий на верблюда. На «спине»; прямо над дверью, кривыми буквами было нацарапано:

НЕБЫ

— Не-бы, — по складам прочитал Ёжик.

— Ну, как? — Хочешь, дай ему травки.

— Кому?

— Верблюду! — и Медвежонок скрылся в сарае.

«Помоги!» — тут же услышал Ёжик медвежий голос, а через секунду увидел самого Медвежонка, выбирающегося из сарая с огромным рулоном, будто с ковром на плече.

— Что это? — спросил Ёжик.

— Берись, — сказал Медвежонок.

Через лес, через поле, в горку, с горки, по бревнышку мчались теперь Ежик с Медвежонок; на плечах у них, как бревно, мчался этот непонятный предмет.

Добежав до двух худеньких пеньков посреди поля, Медвежонок закричал:

— Стой! Самое подходящее место! — и сбросил рулон на траву.

Жарко трещали кузнечики, неподвижно отражалось в реке колющее солнце.

— Для чего — подходящее? — спросил Ежик.

— Для того! — сказал Медвежонок, и запел, замурлыкал, взбираясь на пенек:

*Мы небо поменяем,
Мы небо поменяем,
Мы небо поменяем —
Бам, бам, бам!*

— Что — поменяем? — Ежик от изумления открыл рот.

— Небо, — просто сказал Медвежонок. — Жарко! — встал на пеньке, зацепил лапой выгоревшее, вылинявшее на солнце небо и — потянул.

И — бывает же такое! — небо недовольно сморщилось, а потом, как скатерть, поползло с неба, а солнышко солонкой покатилося и упало за лес.

— Ты что делаешь?! — закричал Ежик. — Что ты делаешь?!

Но было поздно. Медвежонок

стоял на пеньке, приспособлявая новое небо, пыхтел, отдувался и смахивал пот со лба.

— Помоги! — рявкнул он.

И они вдвоем растянули новое небо, по которому сперва полетели, прощально крича, журавли, а потом... посыпало мелким дождичком.

— Эх! — огорчился Медвежонок и ударил себя лапой по ноге. — Не то!

Он стащил новое небо, быстро скатал в рулон, «берись!» — кивнул Ежику и взял свой конец на плечо.

— А как же... это? — еле говорил Ежик и ткнул лапой вверх, где было совсем пусто. — Ведь там ничего нет...

— Побудет так, — сказал Медвежонок.

И они помчались.

Тем же путем — в горку, с горки, через поле, по бревнышку — они мчались за новым небом, волокли старое с курлыкающими журавлями; с него капала вода.

— А какое небо нам нужно? — на бегу спросил Ежик.

— Чтобы не жарко, не холодно, не мокро и не темно!

— А такое... бывает? — Ежик даже остановился, и Медвежонок убежал с курлыкающим небом один, но задним ходом вернулся.

— Бывает.

— А когда?

— А помнишь, в то воскресенье, перед вторником, когда у Зайца был день рождения?

— Помню,— подумав, сказал Ежик.— Замечательное было небо! Ты думаешь, оно в верблюде?

— Там,— просто сказал Медвежонок.

— И если мы его найдем, прибежит Заяц и снова будет день рождения?

— Ну да! — сказал Медвежонок.

— А почему я раньше этого верблюда не видел?

— Это — кочующий верблюд: он то там побудет, то здесь.

— А где у него горбы?

— Ну, что ты встал? — рассердился Медвежонок.— Это — небесный верблюд: с небами и без горбов.

И они выскочили к сараю.

Ворона весело сидела на елке. Вороне сверху интересно было глядеть, как Ежик с Медвежонком быстро-быстро возвращаются обратно.

— Ну вот,— сказал Медвежонок, когда они с новым небом добрались до двух пеньков посреди поля.— Теперь уж — то самое!

— И Заяц сразу прибежит? — Ежик вскарабкивался на свой пенек.

— А куда он денется? Небо — именинное?

Они распластали небо, и — сразу стало темно.

— Тьфу! — сплюнул в серд-

цах Медвежонок.— Ночь! Ты меня видишь?

— Не-а,— сказал Ежик.

— Я тебя тоже не вижу,— сказал Медвежонок.— Глухая сентябрьская ночь.

— Октябрьская,— поправил Ежик.— Такие ночи бывают в октябре.

— Ну, ничего. На вот тебе, держи.

— А... А что это?

— Прутик.

— А зачем?

— Протыкивай.

— Что — протыкивай?

— Что-что! Как — что? Не догадливый какой! — заворчал Медвежонок и первым стал ходить в темноте и протыкивать небо, и одна за другой стали вспыхивать маленькие и большие звездочки. Ежик ходил следом, не протыкивая.

— Что ж не протыкиваешь? — Медвежонок остановился.

— А я боюсь.

— Чего боишься?

— Мне жалко.

— Да чего тебе жалко-то?!

— Неба,— сказал Ежик.

— Фу-ты ну-ты! Кого пожалел? Во, гляди! — и стал показывать Ежику, как с легким хлопанием, а потом серебряным звоном протыкивается небо.— Протыкивай! Я сейчас!

И убежал.

Ежик поднял прут и пошевелил звезду.

И она замигала Ежику.

А потом вдруг ярко вспыхнула, Ежик испугался и... нечаянно проткнул небо.

И появилась Ежикина звезда.

Она была такая красивая...

Вновь явился Медвежонок, и при свете звезд было видно, что он волочет бревно.

— Помоги, Ежик! — рявкнул Медвежонок, и они вдвоем — хлоп! — проткнули небо бревном, и в черном небе поплыла большая красная луна.

— Луна!... — выдохнули вместе Ежик с Медвежоном, садясь на бревно, которое повалилось в траву.

— Жалко, нет Зайца, он тоже любит луну, — сказал Ежик, не сводя глаз со своей звезды. И — через паузу: — И все-таки, знаешь, Медвежонок, это не то небо, которое было в день рождения Зайца.

— Не то! Конечно, не то! Еще найдем! — сказал Медвежонок.

— Знаешь, Медвежонок, — Ежик не отрывал глаз от своей звезды, — давай их больше не менять, а?

— Кого?

— Небы.

— Хы! Как хочешь, — буркнул Медвежонок. — Только там еще полверблюда осталось.

В небе плыла луна и мигали звезды, но Ежик, не отрываясь, смотрел на свою звезду.

— Давай споем! — вдруг сказал Ежик. — Когда так хорошо, обязательно поют песни.

— Только надо пойти сесть в лодку, — сказал Медвежонок. — Когда такая луна, песню хорошо петь в лодке.

В тихой кувшинке, как в лодке, они медленно плыли по реке. Медвежонок то и дело подымал прутик, протыкивал небо, а Ежик неотрывно глядел на свою звезду.

Они пели:

*С песенкой, как с лесенкой до неба,
Реченькою тихою плывем.
Если фонаря с собою нету —
Сами в небе звездочку зажжем.
То ли гром,
То ли град,
Сменишь небо —
Потом
Будешь сам не рад.*

Сергей Григорьевич
Козлов

КИНОСКАЗКИ

Художник Л. М. Шалагина
Редактор М. А. Рюрикова
Технический редактор
Корректор Т. В. Тихонова
Сдано в набор 28.03.86. Подписано к печати 12.01.87.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Гарнитура литературная.
Печатать офсетная. Усл. печ. л. 40. Уч. изд. л. 7.04.
Тираж 150000 экз. Цена 50 коп. Заказ тип. В-129.
© Всесоюзное бюро пропаганды киноискусства
Всесоюзное бюро пропаганды киноискусства
125310, Москва, ул. Чернышевского, 3
Типография издательства ГИТ. ОК-КПСС г. Казань ул. Декабристов, 2.

К 4501000000—013 40—18—86
086 (02)—87

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ВДОГОНКУ

...Мультипликационные фильмы — еще однозначнее, чем игровые, — входят в наш обиход под именем режиссера. Можно спорить о месте художника, но в общем и оно понятно. Что знает автор о том, какое обличье примут его слова на экране?

Литературный статус киносценария всегда был для меня, говоря честно, несколько невнятен. Написанный на бумаге для того, чтобы «умереть» в фильме, он упрямо отказывается умирать и изо всех сил старается выйти в литературу, предоставляя кинематографу себя экранизировать.

Еще таинственнее статус сценария в непредсказуемом мире мультипликации, где между написанными словами и «готовой продукцией» простирается зона вольной фантазии художника. Автор игрового кино может представлять себе героиню иначе, чем режиссер. Но это ничто по сравнению с той зияющей неопределенностью, которая отделяет слова «ежик» или «туман» от будущего их изображения!

...Обо всем этом я, кажется, подумала, когда однажды, глядя прославленную обратно пропорционально своей миниатюрности ленту Норштейна «Ежик в тумане», я нечаянно обратила внимание на фамилию автора — С. Козлов. Она была мне знакома и памятна по нескольким прелестным и совершенно нелогичным сказкам о солнечных и лунных зайцах, пляшущих на полянах, о старом Филине и Черном омуте.

Эти сказки не были назидательны, хотя своевольный Медвежонок, например, позволял себе иметь разные «свои мнения» по одному и тому же вопросу; не были они и поучительны, хотя Черный омут, который научил трусливого Зайца не бояться ни волка, ни лисы, сам вздрагивал, услышав в шуршании опадающих листьев шорох уходящего времени.

Эти сказки были, конечно, детские, но было в них нечто и для взрослых: слова, которыми они написаны. Они представляли нечто вроде смешных и печальных стихотворений в прозе, сюжет которых — фантазия.

Так, может быть, мультипликаторам — людям, которые умеют думать прямо изображением, минуя описание, — как раз и нужны такие легко и уместно поставленные слова? Может быть, фантазии как раз и дано будить фантазию?

...Что-то от своей эфемерности сказки С. Козлова, превращенные в сценарии, все же теряют — какие-то гибкие словесные переходы, превращающие наши обиходные солнечные зайчики в сказочных солнечных, а потом и лунных зайцев. Его маленькие истории становятся сюжетнее, что ли, может быть, проще. Но взамен они приобретают иное: зримость. Не всегда она бывает так удивительна и так бесспорна, как «Ежик в тумане», — и мультипликация, как всякое искусство, знает свои шедевры и свою повседневность.

Но если киносценарий как литература, вопреки здравому смыслу и своему прямому назначению, все же имеет быть, то кино-сказки С. Козлова представляют ее в своем жанре с достоинством.

М. ТУРОВСКАЯ